

УДК 811.411.16

Ю.Г. Ермак*магістр політ. наук, аспірантка 3 года обучения каф. туризма и культурного наследия
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы***ЕВРЕЙСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ
В ЖЕНСКИХ МЕМУАРАХ XIX – НАЧАЛА XX в.**

В статье рассматриваются свадебные обычаи иудеев белорусской части черты еврейской оседлости, описанные в женских мемуарах и архивных источниках, относящихся к середине XIX – началу XX в. В ходе исследования были выявлены основные элементы брачной процедуры, подвергшиеся наибольшим изменениям в ходе модернизации образа жизни еврейской общности на территории современной Беларуси. Автор приходит к выводу, что внешние формы свадебного обряда претерпели коренные изменения. В него вошли светские элементы, заимствованные у европейцев, распространилась свобода отношений, началось движение в сторону гендерного равноправия.

Введение

До недавнего времени женская история не являлась отдельной темой научных исследований, а мемуарная литература, написанная женщинами, не вводилась в научный оборот в качестве исторического источника. Связано это было, с одной стороны, с влиянием гендерных стереотипов, с другой – с небольшим количеством воспоминаний, написанных женщинами. Последний момент объясняется тем, что в XIX в. женщины, поглощенные семейно-бытовыми обязанностями, и, как правило, не отличавшиеся высоким уровнем образования, редко становились авторами мемуаров. Вторая половина XIX – начало XX в. внесла коррективы в жизнь еврейской общности черты еврейской оседлости. В это время под влиянием ускоренной капиталистической модернизации происходит ломка патриархальных устоев, в результате чего трансформируется образ жизни женщин-иудеек.

Цель работы: основываясь на женских мемуарах, выявить основные элементы свадебных обрядов иудеев Беларуси, претерпевшие трансформацию в середине XIX – начале XX века.

Общая цель исследования конкретизируется в следующих задачах:

- 1) изучить основные элементы свадебных обрядов, отраженных в женской мемуарной литературе в середине XIX и начале XX в.;
- 2) выявить элементы, подвергшиеся кардинальной трансформации.

Предмет исследования – еврейские свадебные обычаи, которые рассматриваются как интегрированная целостность, подверженная социокультурной динамике.

Актуальность исследования. Растущее влияние женщин в современном мире создало предпосылки для вычленения женской истории в отдельное направление в рамках гуманитарных дисциплин. Развитие гендерных исследований, в свою очередь, актуализирует исследование женского исторического наследия, частью которого является мемуарная литература. Изучение проблем, связанных с женской историей, приобретает особую актуальность в постиндустриальную эпоху, которая исповедует ценности свободы и равенства людей, искореняя разнообразные проявления дискриминации, в том числе на гендерной и этнической основе.

Научная новизна. Отражение еврейских свадебных обычаев в женской мемуаристике прежде не было темой отдельного исследования. Новизна исследования состоит

Научный руководитель – О.А. Соболевская, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, политологии и психологии частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения»

в осмыслении влияния иноэтнического окружения на институт семьи в традиционном еврейском обществе черты оседлости и субъективно преломлённого восприятия изменений, ставших итогом данного социокультурного взаимодействия. Данное исследование обладает научной значимостью, поскольку демонстрирует новые теоретические результаты по актуальному научному направлению – гендерной истории – с использованием нетрадиционного типа источников (мемуарной литературы).

Практическая значимость исследования. Как показывают данные социологических исследований, сейчас, в начале XXI в., в белорусском обществе наблюдается возрождение семейных ценностей, следовательно, изучение всех аспектов истории семьи многоконфессионального народа Беларуси актуально и с научной, и с воспитательной точки зрения. Результаты исследования могут быть использованы как при написании научных трудов обобщающего характера, так и в воспитательно-идеологической работе.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен логикой социально-экономического развития Российской империи и входивших в нее белорусских губерний. Рубеж XIX–XX вв. характеризовался активным развитием капиталистических отношений и ускоренным процессом модернизации традиционного еврейского общества, в котором нарастал процесс аккультурации, находивший выражение в пробуждении самосознания женщин и изменении семейного уклада.

Выбор методов обусловлен стремлением подойти с максимальной непредвзятостью к предмету исследования, он рассматривается сквозь призму исторических фактов. В качестве научного инструментария использовались диахронический, сравнительно-исторический, типологический, ретроспективный методы.

Историография проблемы

Подробной характеристике процедуры бракосочетания в иудейской традиции посвящена статья Л.О. Леванды [1, с. 103–130]. Работа является сугубо эмпиричной, в ней не выделена специфика брачных обрядов у иудеев различных частей черты еврейской оседлости, отсутствует анализ изменений свадебных обычаев в ходе исторического развития.

Выдающимся по собранному этнографическому материалу является очерк этнографии еврейского народонаселения в России, изданный в 1852 г. [2, с. 24–27]. М. Берлин был по своим убеждениям маскилом (сторонником просвещения евреев). Желая видеть своих единоверцев европеизированными, автор описывал традиции иудеев, подчеркивая их косность и архаичность.

Исследователь восточноевропейского еврейства эпохи Просвещения Дэвид Биале (David Biale) опубликовал в 80-е гг. XX в. статью о детстве, свадьбе и семье, в которой проанализировал изменения, происходящие в традиционных еврейских семьях под влиянием Гаскалы (Просвещения) [3, с. 45–61]. В работе «Эрос и Просвещение: любовь против свадьбы в период Просвещения у восточноевропейских евреев» [4, с. 49–67] приведены причины борьбы маскилов с ранними браками, цитируются воспоминания участников событий. Недостаток данных публикаций для нашего исследования заключается в том, что они затрагивают обрядовую деятельность евреев, проживавших на территории современной Польши. С учетом большой консервативности и замкнутости еврейского сообщества повседневная жизнь польских евреев и евреев-литваков территории нынешней Беларуси видится в рамках проблематики данного исследования нетождественной.

В историческом документе под названием «Домашний регламент» [5, с. 110–115] отдельная глава посвящена свадебной одежде. При изучении мемуарной литературы, посвященной тому периоду, появляется возможность увидеть, как реализовывались на практике подобные законы, отношение современников к ним.

Сравнительный анализ восприятия брачного обряда в мемуарах П. Венгеровой и А. Выгодской

Мемуарная литература позволяет проследить изменение роли семьи как социального института в еврейском обществе XIX – начала XX в. В пользу осознания в рамках парадигмы традиционной культуры огромной значимости семьи для сохранения еврейского народа в условиях рассеяния говорит количество и обширность географии специальных благотворительных обществ, созданных с целью обеспечения приданым еврейских девушек из неимущих слоев населения. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно сохранил дела об учреждении общества «Гахносах-Кало» («Приданое») в Брест-Литовске [6, л. 4–28], Пружанах [7, л. 25] и Волковыске [8, л. 10–19].

Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении мемуары еврейских женщин в основном были написаны в Западной Европе (Германия, Англия) и в США. Данное обстоятельство объясняется более высоким по сравнению с Восточной Европой уровнем жизни, распространением буржуазных ценностей в еврейской среде, высокой степенью ассимиляции [9, с. 64–65].

Основным источником для проведения сравнительного анализа еврейских свадебных обычаев стали мемуары Паулины Венгеровой (1833–1916) «Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в.» [10]. Воспоминания реконструируют патриархальную еврейскую жизнь в черте еврейской оседлости в 1830–1850-х гг. Четыре главы посвящаются проведению свадебного обряда: в первой описана свадьба сестры Евы, которая вышла замуж в 1846 г.; остальные три описывают свадьбу самой П. Венгеровой, которая проходила двумя годами позже и отразила значительные отличия, проявившиеся в еврейской среде под воздействием реформ периода правления Николая I [10, с. 145]. Во второй части книги описано начало процесса ассимиляции, закончившегося отходом части евреев от иудаизма.

Не менее важным источником явились мемуары Анны Выгодской «История одной жизни: воспоминания», изданные в Риге в 1938 г. [11]. Будучи представительницей эмансипированной просвещенной части еврейской молодежи, А.П. Выгодская высмеивала и резко критиковала быт евреев конца XIX в. в белорусских местечках; она описывает замкнутость, нищету, влияние суеверий на еврейские массы.

Согласно утверждению Ю.В. Функ, выдача замуж бедных еврейских девушек с помощью предоставления им приданого есть не что иное, как следование священным книгам иудеев – Торе и Талмуду [12, с. 68]. В традиционном еврейском обществе середины XIX в. женитьба детей считалась первоочередной задачей родителей. Брак мыслился как единственная сфера приложения духовных и физических сил женщины, ее уделом было служение родным, рождение и воспитание детей.

Воспоминания Анны Выгодской показывают переосмысление традиционного представления о значимости брака. Активно демонстрируя стремление получить образование, несмотря на препоны со стороны патриархально настроенной семьи, желая быть в первую очередь профессионалом, она именovala себя «бестужевкой с демократическими взглядами и стремлением к физическому труду» [11, с. 220]. Несмотря на столь прогрессивные взгляды, Анна уступила настоятельным требованиям родителей выйти замуж согласно понятиям о приличиях, принятых в еврейском буржуазном кругу начала XX в. Общественное мнение осуждало родителей, не нашедших дочери мужа. Девушка, которая оставалась не замужем в возрасте 25 лет, именovalaсь единоверцами «альте мойд» (буквально – «старая дева»), мужчин презрительно называли «альтер бохер» («старый холостяк», «старый парень»). Наличие старой девы вредило репутации семьи.

С иронией мемуаристка вспоминает радость родителей по поводу ее согласия выйти замуж. «Родители, конечно, были очень рады, что я не останусь старой девой – ведь по тогдашним понятиям девица 24-х лет уже считалась весьма зрелой» [11, с. 218]. При этом Анна Выгодская подчеркивает отсутствие особого значения бракосочетания

для себя как для личности и перспективного медицинского работника. В этом отношении можно отметить влияние на мировоззрение мемуаристки процесса ассимиляции, разрушающего представление об абсолютной ценности семьи, характерного для иудейской традиции, прагматичного духа капитализма и набирающего популярность в среде работающих еврейских женщин феминизма.

Модернизация традиционного образа жизни еврейской общности Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. проявилась не только в отношении к браку и семье, но и в изменении отдельных элементов брачных обычаев. Еврейская свадьба, согласно Галахе (традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев – Ю.Е.), состоит из обрядов «кидушин» и «хупы», предшествующим же элементом является «шидух» (ивр. «сватовство»). Шидух осуществляли посредники – шадхоны (сваты), которые предлагали потенциальных кандидатов на роль жениха и невесты. Изучив предложения и выбрав подходящую партию (в первую очередь ценились талмудические познания и материальная обеспеченность), родители давали свое согласие на свадьбу дочери. В вопросе выбора пары юные невесты не имели права на собственное мнение. Соглашаться с родителями обязывало и воспитание, и обычай. То, что девушка довольна выбором родителей, являлось аксиомой и выражалось в словосочетании «что выбрали родители, выбрал Бог».

Таким образом была сосватана в 1846 г. старшая сестра П. Венгеровой – Ева. «Родители просто сказали ей (Еве), что некий господин Ф. из города С. сватается за нее. И так как он происходит из хорошего дома, богат, не урод, и имеет самостоятельное торговое дело, родители сочли эту партию подходящей и дали свое согласие. Теперь пусть это сделает и моя сестра. Сестра, бесконечно далекая от того, чтобы ставить под сомнения слова родителей, не выдвинула никаких возражений» [10, с. 136]. В соответствии с патриархальным обычаем два года спустя произошло сватовство и самой мемуаристки. Отец, получив письмо с предложением выдать замуж дочь, ответил согласием. О самостоятельном выборе девушки не было речи.

Правила знакомства молодых также определял древний обычай. В первой половине XIX в. для еврейской девушки естественно было впервые увидеть своего будущего супруга, будучи облаченной в подвенечное платье. Возможности увидеть и поговорить с женихом до свадьбы, как правило, не было. Общество не видело в этом особой необходимости. Заочное знакомство происходило по переписке, очное – на самой церемонии. К концу 1840-х гг. родители стали либеральнее относиться к правам своих дочерей: становится обычным явлением поездка просватанной девушки на встречу с будущим женихом, даже если для этого требуется преодолеть значительное расстояние, а согласие невесты по-прежнему остаётся формальностью. Молодым разрешалось не только познакомиться друг с другом, но даже провести время вместе в компании молодежи [10, с. 184].

Существовали обычаи, определенные освященной веками традицией, касавшиеся выбора дня свадьбы. Проводить обряд бракосочетания запрещалось в день *шаббата*, который длится от пятничного заката до субботнего вечера. Не проводили свадебные ритуалы во время еврейских праздников, таких как Рош ха Шана (Новый год), Песах, в период между Песахом и Шавуотом. У А. Выгодской выбор дня свадьбы выпал на «счастливый день» – вторник.

В конце XIX в. в еврейский традиционный уклад стали проникать европейские элементы, присущие христианскому населению Беларуси. Особенно ярко данная тенденция проявилась в свадебном костюме невесты. Одежда невесты – это не только эстетический элемент свадебного обряда, но и показатель материального благосостояния семьи. Она менее других подвержена базисным изменениям, возможно, из-за того, что ее аксессуарная составляющая постоянно меняется, а основа – платье и фата – величинны постоянные. Следует отметить, что в еврейской свадебной моде не было строго

ограниченной гаммы цветов либо ткани, из которой изготавливался наряд. Предпочтение отдавалось светлым, пастельным тонам, а материал зависел от денежной обеспеченности родителей молодой. «В качестве свадебного наряда Ева получила сиреневое шелковое платье, отделанное белыми кружевными прошвами, миртовый венок и длинную фату» [10, с. 137]. «Я облачилась в тяжелое платье серого шелка и укрепила на голове миртовый венок с длинной белой вуалью. Белые перчатки, веер и крошечный кружевной носовой платок довершили мой костюм» [10, с. 203].

Патриархальное еврейское общество черты оседлости контролировало практически все сферы жизни своих единоверцев, в том числе и свадебную моду. В 1845 г. иудейские общины Беларуси приняли документ под названием «Домашний регламент», который вводил правила ношения традиционной еврейской одежды в зависимости от уровня состоятельности отдельных еврейских семей, осуществляя «намерение уменьшать количество гардероба ... для удовлетворения желания правительства, впредь установить правила об уменьшении количества платьев, чтобы не рядиться в дорогие одежды» [5, с. 112]. Считалось, что ограничения в гардеробе будут, во-первых, содействовать уменьшению расходов, во-вторых, «убавятся ненависть и зависть народов из-за дорогих платьев» [5, с. 112]. Авторы напомнили единоверцам, что, одеваясь против законов Торы (одеваться дороже, чем могут в действительности себе позволить), они вовлекают себя в грех тщеславия.

«Регламент» коснулся и свадебных нарядов. Документ устанавливал запрет на использование кружев в свадебной одежде невесты. Авторы педантично просчитали и суммы надана (приданое наличными деньгами) по отношению к стоимости свадебных нарядов. Были сокращены траты на свадебные трапезы, ограничено количество подаваемых блюд, число приглашенных гостей [5, с. 115]. Постановления касались в первую очередь состоятельных людей, к которым относилась семья П. Венгеровой: отец Паулины был подрядчиком на крупных государственных стройках [10, с. 4].

Как свидетельствуют воспоминания П. Венгеровой, богатые евреи не считали необходимым следовать регламенту. Влияние общинных лидеров на элиту еврейского общества черты оседлости с середины XIX в. ослабело, а к началу XX в. стало номинальным. Зажиточная купеческая семья Выгодской была в значительной степени европеизирована, поэтому свадебный туалет невесты сшили согласно европейской моде. «Подвенечное платье из самого дорогого шелка – дамассе имело шлейф длиною, пожалуй, аршина в полтора. Сшит был этот туалет великолепно... Но кроме платья было еще множество других атрибутов: атласные белые туфли, белые шелковые чулки, фата из шелкового тюля, а главное – веер, который должен быть прислан женихом» [11, с. 229]. В начале XX в. влияние европейской моды стало постепенно проникать в малообеспеченные слои провинциального еврейства, стирая визуальные различия между иудейским и христианским населением Беларуси.

В древнееврейской религиозной традиции существовал обычай срезания волос замужней женщины сразу после свадьбы. Изменив статус, она должна была носить на голове чепец. В середине 1840-х гг. чепец снабдили широкой шелковой налобной повязкой того же цвета, что и волосы. Как иронично подмечает П. Венгерова, «по тогдашним понятиям, она (налобная повязка) очень хорошо их имитировала» [10, с. 144]. В конце 1840-х гг. в богатых домах в обиход входит парик. Он заменил налобную повязку у замужних женщин; сверху, как и прежде, остался чепец.

Важным элементом еврейской брачной церемонии первой половины 40-х гг. XIX в. было торжественное препровождение невесты к гостям («кабалат-панім»), в богатых домах сопровождавшееся музыкой. Ее усаживали в кресло, поставленное на середине свадебного зала, чтобы все гости могли полюбоваться молодой. Чуть позже появлялся жених в сопровождении родственников и друзей [1, с. 104]. По обычаю, жених и невеста не имели права ни на какой телесный контакт, даже на рукопожатие [10, с. 140]. После знакомства начинался праздничный завтрак, а затем танцы. Женщины танцевали

отдельно от мужчин, невеста также участвовала в веселье, жених мог только наблюдать: это было продиктовано законами целомудрия и ритуальной чистоты.

Ситуация изменилась к концу 40-х гг. XIX в. С грустью рассказывала о своей свадебной церемонии П. Венгерова: «Без всякой торжественности меня ввели в свадебный зал. Мне не предложили даже сесть, как это принято у нас» [10, с. 203]. В отличие от П. Венгеровой, с разочарованием вспоминавшей свой выход к гостям, А. Выгодская считала торжественность, которой сопровождался ее путь к празднично украшенному цветами креслу невесты, неуместной. «Глупо чувствует себя человек, когда все глаза устремлены на него: мне было томительно неловко, и все время я думала только о том, чтобы пришел конец этому спектаклю» [11, с. 232].

Причину такого отношения к церемонии можно усмотреть в том, что мемуаристка позиционирует себя современной, жаждущей образования и труда женщиной, лишённой предрассудков и консерватизма. Для нее лучшим свадебным подарком становится полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина. Остальные традиционные свадебные подарки (деньги, ювелирные украшения, вазы и утварь, платья, капоты и шубы, сшитые по заказу родителей накануне свадьбы) не имеют никакого значения для увлеченной идеей реализовать себя профессионально 24-летней молодой женщины.

Новации быстрее входили в жизнь высших слоев еврейского общества и молодежи. Богатые и именитые евреи, к примеру, купцы первой и второй гильдии, подрядчики и фабриканты, были вхожи в круги российской бюрократии и торгово-промышленной элиты, а эмансипированная молодежь шла в авангарде всего нового. Влияние ассимиляции прослеживается во внешнем виде и поведении прибывших на свадьбу молодых родственников жениха П. Венгеровой, проживавших в Петербурге. «[Они были] в светлых коротких летних шелковых костюмах, типа дорожных, и широкополых белых соломённых шляпах. Войдя в комнату, они сняли шляпы и так и остались сидеть с обнаженными головами, в то время как другие мужчины постоянно носили на голове маленькую черную бархатную шапочку» [10, с. 202]. Для еврейского мужчины снятие головного убора в помещении недопустимо по религиозным догмам, равносильно отказу от иудаизма и богохульству. Этот момент ярко указывает на далеко зашедший в среде столичного еврейства процесс аккультурации и сохранение приверженности традициям в провинции. Упрощение традиций, исключение из них некоторых символических элементов, наполненных скрытым и понятным только для иудеев смыслом, приводило к постепенной ассимиляции, размыванию семейных традиций патриархального еврейского общества.

Внешние изменения, коснувшиеся костюма и манер, не влияли на религиозную составляющую свадебного обряда. Религия являлась наименее поддающейся изменениям социокультурной сферой, носителем объединяющего начала в обществе. На протяжении всего XIX в. сохранялась и свято чтилась евреями, проживающими в Беларуси, церемония, проходившая в синагоге. Целью данного исследования не является описание последовательности сакральных действий и молитв, произносимых раввином под хупой (свадебный балдахин, под которым стоят невеста и жених во время церемонии), т.к. и по сегодняшний день они остаются неизменными.

Заключение

Итак, еврейские свадебные традиции в черте еврейской оседлости на протяжении 40-х гг. XIX – начала XX в. подверглись постепенным изменениям. Они были проявлением заметных прогрессивных трансформаций, способствовали расшатыванию замкнутости еврейского общества. Не затрагивая религиозной составляющей обряда, изменения коснулись внешних форм брачной церемонии. К началу XX в. сохранилась традиция сватовства и выбора дня бракосочетания, свадебный наряд невесты претерпел изменения под влиянием модных европейских тенденций. Для начала XX в. становится характерным очное знакомство молодых людей. Снижается значимость кабалат-панам,

торжественный прием становится скромнее. Срезание волос замужним еврейским женщинам становится архаичной традицией, которая перестает применяться на практике. Таким образом, свадебные традиции обогатились новыми светскими элементами, заимствованными у христианского населения, отношения между полами стали более свободными, проявлялись зачатки гендерного равноправия. Свадебные ритуалы, относящиеся к сакральной жизни общества, подверглись трансформации, приведшей к упрощению и снижению символичности обряда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леванда, Л. О. Старинные еврейские свадебные обычаи / Л. О. Леванда // Пережитое : сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. – СПб., 1911. – С. 103–130.
2. Берлин, М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России / М. Берлин. – 1852. – С. 24–27.
3. The Jewish Family: Myth and Reality / ed. by S. M. Cohen, P. E. Hyman. – London : Holmes and Meier, 1986. – P. 45–61.
4. Biale, D. Eros and Enlightenment: Love Against Marriage in the East European Jewish Enlightenment / D. Biale // Polin : Journal of Polish Jewish Studies. – 1986. – Vol. 1. – P. 49–67.
5. Каган, М. Домашний регламент в Белоруссии (1845) / М. Каган // Еврейская старина. – 1910. – Т. 3. – С. 110–115.
6. Дело об учреждении Брест-Литовского общества взаимопомощи «Гахносах-Кало» 1914 г. – 40 л. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБГ). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 168.
7. Дело об учреждении общества «Приданое» – «Гахносах-Кало» в г. Пружаны 1913 г. – 63 л. // НИАБГ. – Ф. 103. Оп. 1. Д. 87.
8. Дело об учреждении приданной кассы в г. Волковыске 1900 г. – 27 л. // НИАБГ. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 661.
9. Myman, P. E. Gender and Assimilation in Modern Jewish History: The Roles and Representation of Women / P. E. Myman. – Sacattle – London : University of Washington Press. – 1995. – 197 p.
10. Венгерова, П. Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев России в XIX веке / П. Венгерова. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2003. – 352 с.
11. Выгодская, А. П. История одной жизни : воспоминания / А. П. Выгодская. – Рига : Dzive un Kultura. – 1938. – Ч. 1. – 233 с.
12. Функ, Ю. Яўрэйская дабрачыннасць на Беларусі ў XIX – пачатку XX стст. / Ю. Функ // Беларус. гіст. часопіс. – 1999. – № 1. – С. 63–69.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2015

Yarmak Yu.G. Jewish Wedding Manners in Women's Memoirs (XIX – Beginning of XX Century)

Wedding manners of Jews in Belarusian part of Jewish settlement are viewed through the prism of women's memoirs, written in the middle of XIX – beginning of XX century. Already published memoirs and memoirs considered as rare books are used in this article; the author also consults never published archive materials. During the investigation, the main components of marriage procedure, which changed a lot during cultural, historical, social and economic development of Jews community in context of capitalist development of Northwestern part of Russian Empire, were determined. The author comes to the conclusion that external form of wedding manners underwent radical changes. Soviet elements, elements taken from Europe and some kind of a freedom in relationships appeared in it; the beginning of gender equality appears.